Мишев

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ Царской власти

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ41
М667

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

7 Ж
1667

КРАСНАЯ НОВЬ

MAGYAR HOPP

EMLÉKKÖNYV
A DEBRECENI
TÉKOZLÓHANG VIHARA

№ 67

ПИ4Lр
М667

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

(с выписками из писем бывшей
царицы к Николаю)

М. МИШЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

П 84

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИ 91 р
М 667

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
№ 57147 69178 У
1923

Главлит № 12477. Тираж 15.000 экз.

„Мосполиграф"—20 типогр. „Красный Пролетарий". Пименовская, 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Триста слишком лет правили Россией Романовы. Все шло как-будто заведенным порядком: богач высасывал последние соки из бедняка, а если этот пробовал сопротивляться—к услугам богача всегда были готовы казацкие нагайки и солдатские штыки.

И если находились люди, у которых болело сердце за народное горе, люди, которые подымали свой голос в защиту крестьянина и рабочего,—один удел был для них: тюрьма, ссылка, виселица...

С воцарением последнего из Романовых—Николая Кровавого, еще тяжелее стало жить. Зарвавшееся самодержавие неуклонно вело свою безумную, слепую политику, которая разоряла неимущие классы страны и сеяла все большее и большее озлобление в душе трудового народа. Мрачными событиями было отмечено царствование Николая: бессмысленная Японская война, кровавые расправы после революции 1905 года, зверские расстрелы рабочих на Ленских золотых

приисках, знаменитое 9-е января, когда в Питере расстреляли множество рабочих, которые шли к царю «искать защиты»...

Но нет худа без добра: чем тяжелее жилось трудящимся, тем яснее видели они, что царская власть служит только интересам народных кровопийц, что «помазанник божий» со всей своей сворой слуг и прихлебателей—не «законная власть», а злокачественная опухоль на теле народном; что избавиться от этой опухоли можно только одним путем: путем быстрой решительной операции. Это стало еще яснее после 3-х лет европейской войны, которая расшатывала плохо слаженный механизм царской власти и показывала лицом всю его ветхость и гнилость.

И эта операция была наконец сделана. Была она сделана руками рабочих и крестьян—в феврале 1917 года. И оказалась она не такой уж опасной и болезненной, как это многие ожидали.

Почему же Февральская революция удалась как будто так скоро и легко?

Для того, чтобы понять это, нужно узнать вот что: нужно узнать, *чем* была царская власть в последние дни своей жизни, нужно узнать, *кто* правил Россией в эти дни и *как* правил, и как относился к этой власти народ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кто правил Россией.

В июне 1916 года снова потянулись на фронт со всех концов России «телячьи вагоны»—тысячами, бесконечными вереницами.

13-й миллион пахарей был оторван от родной земли, от уборки хлеба. Их гнали защищать «царя и отечество», их гнали под огонь немецких пушек и пулеметов—оборванных и почти безоружных и вовсе необученных военному делу.

Привозили на фронт. Загоняли в окопы. Иногда и винтовки не давали.—Подожди, подвезут. А была винтовка—патронов не было.

Бывало и так на том или другом участке фронта: немец гвоздит «чемоданами», душит ядовитым газом, забрасывает бомбами с аэропланов, а наши пополнения сидят в грязных окопах и по команде бьют в ладоши.—«Винтовок, вишь, нет, так чтобы на стрельбу было похоже».

Сотнями тысяч гибли трудовые русские люди, а в душах оставшихся росла смертельная обида

и гнев:—«Чего ж там—наверху—смотрят? Где винтовки, где снаряды, где продовольствие?»

Обмундирования не подвозили, солдаты оборвались, были разуты и раздеты. И армия стала понимать, что ее забыли, что начальству и царю не до нее. А там—дома,—в полях стоял неубранный урожай, в городах показался первый призрак голода; железные дороги работали плохо, наступал полный развал.

И глаза народа опять обращались к Питеру:—«Чего ж там наверху смотрят?» А «там—наверху» было очень неблагополучно. В мирное время царское правительство могло еще сохранять в стране видимость «порядка». Но наступил 1914 год. Николай, играя в руку своим и иностранным капиталистам, да и желая отвратить от царского престола народную грозу, навязал народу войну.

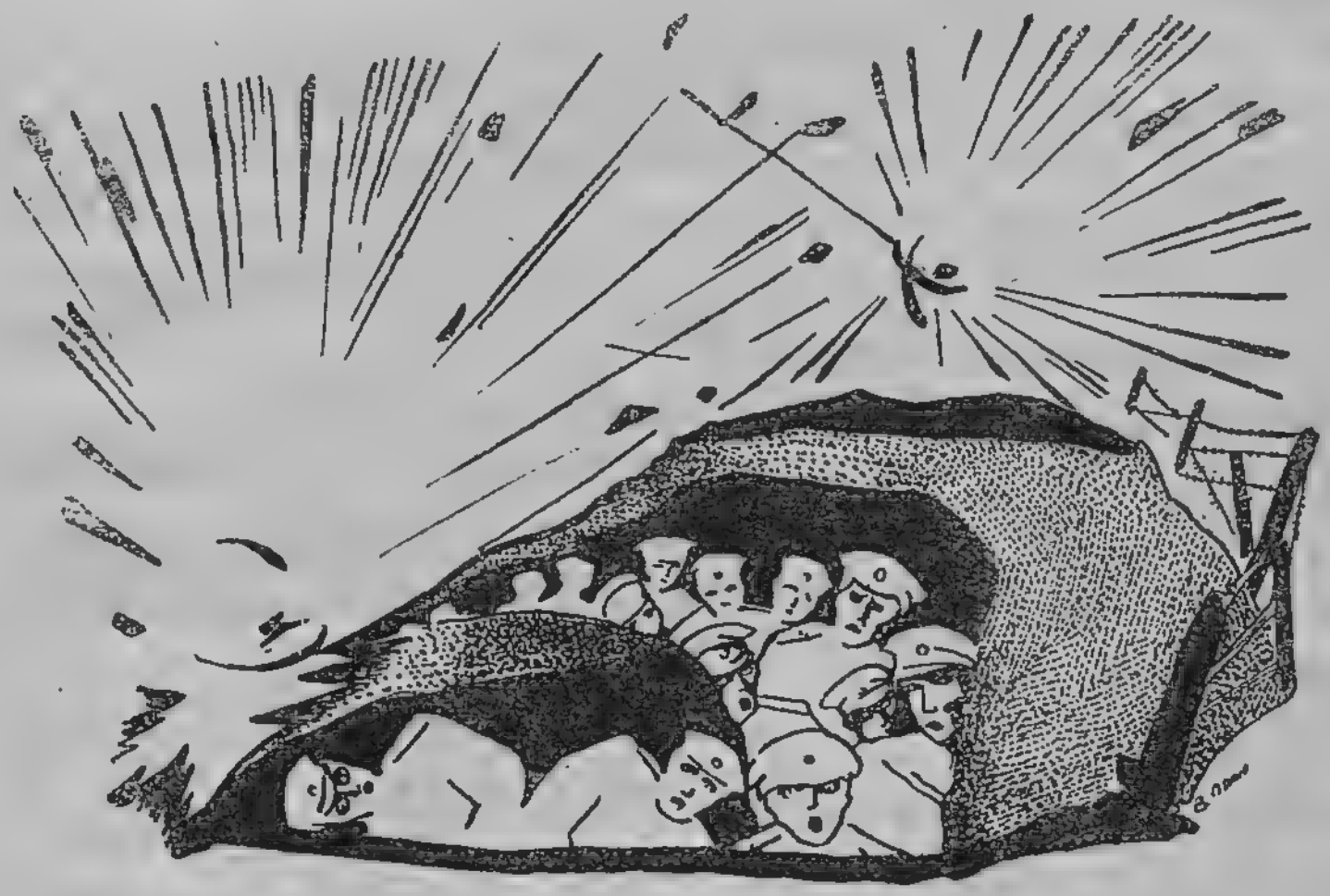
Вот тут-то и обнаружилась вся гнилость самодержавия. Оно умело расправлялось с «бунтами», гноило по тюрьмам народ. Но война—это дело не шуточное. Тут ведь надо суметь запасать во-время продовольствие, военное снаряжение и обмундирование, и запасы оружия, да снаряды, да пищевые продукты все время пополнять. Тут надо, чтобы железные дороги и вся промышленность в стране были правильно налажены, работали согласованно и без перебоев.

Где было управиться царскому правительству с такими задачами!

При самодержавии люди выдвигались по свое-

му родству, по своим связям при царском дворе, по своему награбленному с народа богатству. И были эти царевы слуги лихоимцами, взяточниками и, большей частью, бездарными—дармоедской жизни людьми.

А во главу армии тоже выдвигались люди не по таланту, не по своим познаниям, а по дворян-



скому происхождению, по знатности или по связям.

Бездарно было, неумело было высшее командование армии; занималось оно больше подсиживанием друг друга да интригантством, погоней за орденами и чинами, а не налаживанием фронта. И было среди них не мало таких, что готовы продать кому хочешь все военные секре-

ты за хорошие деньги. Не мало русских генералов было у немцев на тайном содержании, и немецкое командование заранее знало о всех наших военных планах.

— Что же,—спросят,—неужели Николай Романов был сам себе враг? Неужели он не понимал, что проходимцы, которыми он себя окружил, ускоряли его неизбежную гибель?

Вот здесь-то и есть вся соль. Николай сам был из того же теста—той же подлой закваски. И был он кроме того духом слаб и нерешителен. Им вертели его жена, да иные из его родичей и сановитых вельмож. Он был «сам себе не хозяин». А когда Николай стал верховным главнокомандующим, он совсем утратил всю видимость своего самодержавия. Оно целиком перешло в руки жены его Александры Федоровны и ее придворной группы.

Александра Федоровна.

Это была женщина твердая, упрямая, своевольная. В ее браке скорей она должна была быть по характеру мужем, а Николай—покорной женой. Недаром она писала Николаю, что у нее «есть невидимые мужские штаны».—И верно.

Часто так бывает: муж—квашня, а баба—солдат в юбке. И бывшая царица как нельзя лучше подходила к этому примеру.

Немка, воспитанная за границей, она не толь-

ко считала Россию чужбиной,—она не любила и презирала ее.

Даже такой старый слуга царской власти, как граф С. Ю. Витте, называл ее «изуверкой—жестокой, тупой, прибывшей в Россию только на горе русскому народу.»

Ей была дорога только власть. Ей был дорог почет, блеск пышных дворцов, сладкое житье царское и корона,—корона на голове.

И еще кое-что было ей дорого—дороже всего—дороже собственного сына. В ее письмах к Николаю 325 раз упоминается Он (с большой буквы—все равно как писали «Господь Бог»).

«Божий человек», «Наш Друг», Григорий—это все одно и то же лицо; это все одна и та же фигура, которая отбросила на последние дни самодержавия такую зловещую, отвратительную тень. Это—Григорий Распутин. Распутин, который по видимости делил российский престол с царицей Александрой, а на самом деле являлся почти «самодержцем» всея Руси.

Влияние Распутина на Александру Федоровну было безгранично. Его «святость» была для нее неоспоримой. Он был для нее «человек, посланный богом на помощь», «святой», «молитвы его угодны богу».

Стоило кому-нибудь поднять голос против Распутина,—этот человек становился врагом царицы. Пишет же она в одном из писем:—«Враги Нашего Друга—наши собственные враги».

Кто же в конце-концов был Распутин—«первый друг царской семьи?»—Распутин, который считал себя чуть ли не членом царствующего дома; Распутин, который шутливо называл Николая и Александру «папой» и «мамой», а в гневе стучал кулаком по столу и кричал на «самодержавного государя?»

Распутин.

Первыми из всех распознали Григория его собственные односельчане. Он еще с юных лет был для них предметом осуждения.

— «Гриша-провидец»—с насмешкой называли его. И предсказывали:—«Много он девок на своем веку перепортит».

Еще в молодости «святой человек» был слишком охоч до баб. Этой силушки в нем было хоть отбавляй. И редкая женщина при встрече с ним не подпадала под его влияние. Он смолоду шатался по монастырям, приглядывался к странникам и юродивым и мало-по-малу научился изображать из себя «прозорливца». Мужик он был умный, умел хорошо распознавать чужие слабости и извлекать из них выгоду для себя.

Кроме того, он был прирожденным актером—ему было бы впору изображать в театрах.

Распутин решился пробиться в люди и твердо пошел по избранной им дороге.

И вот он втирается в доверие к важным иерархам церкви.

В изображении себя «божьим человеком» он уже набил себе руку. А что касается до баб— здесь спрятать концы в воду нетрудно. И вот, прикидываясь «святым», льстя и раболепствуя, где нужно, он втерся в доверие к владыке Феофану. Этот последний пользовался большим влиянием в питерских «великосветских духовных кружках» и по его слову перед Распутиным открылись все двери. Так вступил Григорий в самое высокое общество столицы.

Это общество в то время увлекалось всем «божественным». Но для объевшихся бар и это было только развлечением. Их брюхо требовало все новых и новых удовольствий, которых уже не было: они все уже перепробовали, все им надоело,— барская скука от безделья стала их заедать. И вот обратились за неимением другого к «духовному».

Шарили по всем углам, искали «пророков» и «провидцев», ударялись в знахарство и пытались поверить в чернокнижие:—хоть какое-нибудь занятие найти.

В это-то время появился среди них Распутин.

Высокая жилистая фигура, подергивающееся лицо, глубоко впавшие пронзительные глаза...

Он сразу понял, чем их можно пронять. И вот он «тыкает» без разбору князя и сановника, говорит со всеми с нарочитой грубостью; держится так, словно он пастырь, а все кругом—заблудшие

овцы. И высокопоставленные бездельники обрадовались:

— Вот, наконец, нашли то, что нужно. Они поняли, что он может иметь влияние на царя и через него многое можно достигнуть. Распутин же решил сразу. «Нужно ковать железо, пока горячо». Он стал прибирать к рукам нужных людей, пользуясь их слабостями. Первыми, конечно, попались женщины. А там дело пошло легче.

Да и придворная знать не ошиблась, почуявши в Распутине человека, которого можно использовать для своих целей.

Придворные знали о суеверии Николая и Александры и решили на нем сыграть. Уже раньше вокруг царской семьи вертелись разные шарлатаны, пользовавшиеся безграничным доверием царя (например, француз Филипп, который, по уверениям Александры, одним своим прикосновением делал любой предмет «святым и чудодейственным»).

Через этих проходимцев придворные Николая обделывали свои делишки—богатели, хватали ордена и награды, подсиживали друг друга.

Распутин был для них чистый клад и они стали всячески помогать ему выдвинуться.

В скором времени Григорию удалось обратить на себя «милостивый взор» великого князя Николая Николаевича. Ему был открыт доступ во дворец. А там ему удалось при помощи графа С. Ю. Витте и князя Мещерского пробиться дальше,

проникнуть во дворец Николая второго. Здесь-то и начинается быстрое движение «Гриши-провидца» к тепленькому местечку—к царскому престолу.

Выдвигавшая его придворная клика дала ему понять, как можно подчинить волю Николая и Александры.

Он начал свое выдвижение... с «забот» о здоровьи царского сына Алексея.

Мальчик страдал страшной неизлечимой болезнью—гемофилией (кровоточивость). Эта болезнь состоит в том, что время от времени кровь выступает через стенки жил и просачивается внутрь тела. От пореза или от простого ушиба больной, страдающий гемофилией, может изойти кровью.

Судьба поразила этой редкой и страшной болезнью наследника русского престола, словно мстя ему за грехи отцов; словно вся невинная кровь, пролитая его дедами и отцом, вопияла о мщении, и он за это—каплю за каплей—отдавал свою.

Лучшие доктора, которые лечили наследника, отступились:—наука не могла помочь.

И здесь-то Распутин «взялся за дело». Он день и ночь пел в уши Николаю и Александре, что наследник живет не потому, что болезнь медленно развивается, а потому, что он—Распутин—молится за больного; потому что только его молитвы угодны богу. А через некоторое время он

пошел дальше. Он стал уверять Александру, что в нем есть такие силы, перед которыми не может устоять ни одна болезнь. И впивался в нее взглядом:

— Не веришь?—Посмотри мне в глаза!

Александра глядела, шептала: «верю»... и отводила взгляд.—Женщине было слишком трудно смотреть в проницательные, бесстыжие глаза Распутина, где горела сильная мужская воля и неудержимая распутинская похоть.

А придворная сволочь в свою очередь раздувала влияние Распутина и умело руководила им. Мало-по-малу Григорий, прибирая к рукам Александру, делал ее своей рабой, как делал это с другими женщинами: с теми, которые понадобились ему для распутства или для корыстных дел...

Между тем, все чаще и чаще приходилось слушать о распутствах Григория, которые он проделывал и за стенами дворца (там-то ничего, да вот сор из избы выносить не годится). И как ни зажимай уши, а молва идет со всех сторон. То в кабаке наскандалит «божий человек»,—да так, что по всему Питеру шум идет; то чужую жену опозорит,—мало видно было дворцовых дам. Не пристало, казалось бы, «святому старцу» буянить в пьяном виде, да здесь, вишь, совсем особое дело было.

Григорий учил так: «Греши, милóй, почем зря. Порок впрок идет. Чем больше блуда сотворишь, тем душа чище будет. Так-то, милóй».

И насчет «блуда» в царском дворце не стеснялись. Ведь полоумная царица считала Распутина чуть не воплощением бога на земле,—а такому, ясное дело, все можно. Да, посмотреть бы тогда на распутинское житье! Уж на что вольготно!—Княгини и графини за честь почитают его грязные подштанники в стирку взять. Да требуют, «чтобы пóтом его пахли».

А согрешить с «божьим человеком» называлось—«принять благодать».

Одна такая барышня Леля С-ова рассказывает, как она пришла с просьбой к Григорию:

— Что же, отец, все обещаешь, а ничего не делаешь?

«Старец» ухмыляется:—А ты тоже ничего не делаешь как мне хочется. Дай мне миг любви, и дело твое пройдет без задержки. Коли любви нет,—силы моей нет и удачи.

А когда девушка заупрямилась, он еще пуще стал охаживать ее:

— Пожелал я тебя,—от бога это, и грех отказывать. Без любви я силы своей лишаюсь. Дай мне миг любви, и сила моя прибудет и для дела твоего лучше будет.

«И сговорчивые» барышни и барыньки платили Распутину требуемую дань.

Так жил-поживал и развратничал «божий человек». Только, не дай бог, если кто-нибудь подымал против него голос!—За «старца» вступались все покровители, которые через него обделывали

свои делишки. А царица объявляла такого человека своим врагом и пощады ему не было.

Но с каждым днем становилось все трудней и трудней замазывать рты. Все больше и больше становилось врагов у Григория. Даже иные из царской свиты возненавидели «старца». Один из них завидовали его влиянию и усилению его покровителей, а другие начинали опасаться, как бы распутинщина не выросла во всероссийский скандал и не подорвала бы доверия к царской власти в народе.

Но за Распутиным была большая сила. Сам Николай безгранично верил этому проходимцу. Да и Александра не отступилась от своего возлюбленного Григория. Одно за другим летят ее письма в ставку—к царю.

Она требует, чтобы он наказал «клеветников», чтобы он запретил говорить и печатать плохое о Распутине.

...«Это грех,—пишет она,—чтобы человек, посланный нам богом на помощь, подвергался преследованиям»...

Сам Николай получает от Распутина нагоняи через Александру Федоровну.

...«Ты опять долго в отсутствии,—пишет она,—ведь Григорий просил, чтобы этого не было»...

Да это еще что! Вот другое ее письмо от 15-го ноября того же 1916-го года:

...«Теперь я должна передать тебе следующую просьбу Нашего Друга, внушенную ему ночным

видением. Он просит тебя приказать, чтоб начали наступление возле Риги. Он говорит, что это необходимо»...

Так Распутин под указку тайных сил толкал царя к военной авантюре.

Делал он это, как это теперь дознано, кроме всего прочего и из любви к немецким денежкам. Установлено, что его обрабатывали спекулянты Манус и Рубинштейн, которые играли в руку Германии. Они пользовались «высоким покровительством» Григория Ефимовича и обделывали в Питере свои темные делишки. Кроме того, Распутин получал из-за-границы большие суммы денег—неизвестно от кого.—И ясное дело за какие дела.

Но не оттуда только текла в руки Распутина богатая пожива. Если какой-нибудь чиновник хотел получить лишний орден или чин, он знал, что нужно итти на поклон к Распутину:

«Так и так, Григорий Ефимович, не оставьте своей милостью, замолвите словечко государю».

И дело сделано: проситель с «монаршей милостью», а у «старца» в тугой мошне еще деньжат прибавилось. У него был даже свой «прием». Вот как описывает этот прием одна московская барынька Джанумова:

«В зале толпились просители. Кого здесь только не было: и студенты, и курсистки за пособиями, и священники, и дамы, и военные, и монахи. Он вызывал их по очереди в кабинет. Забежит

69178

к нам в столовую (там сидели дамы—попросту говоря—жены распутинские), подойдет к одной, поцелует, обнимет другую. Дамы охали и ахали:—«Как трудится отец, сколько сил отдает он людям!» А после приема «святой отец» размахивал бумажником перед носом московской барыньки и орал: «Хошь денег? Хошь,—миллион дам?»

Но не одно только золото прельщало Распутина. Он имел громадную власть в своих руках и захлебывался ею. Он давал по шапке министрам, которые плохо сумели подмазаться к нему и к его покровителям. Даже созывы Государственной Думы откладывались по его совету. Его слово было закон для Александры, а слово Александры было закон для Николая.

Когда один из министров не согласился в каком-то важном государственном деле с Распутиным, «старец» сказал ему:

—А поди ты, милой, к чорту! Ты кто тут будешь—министр? Я сам министр, да поважнее тебя—я министр души царской!

Посмотрим же подробней, как эта свора, возглавляемая Распутиным, с благословения Николая Кровавого «управляла» Россией. (Нужно еще сказать, что близкое участие во всем этом принимала Анна Вырубова. Это была фрейлина двора, близкий друг Александры и—одновременно—любовница Николая и раба Распутина).

Как они „управляли".

Распутинская шайка прежде всего решила свести счеты... с самим великим князем Николаем Николаевичем. Этот не нравился своим крутым нравом, казался опасным своим влиянием в армии,

а кроме того ругал последними словами «старца».

И Распутин стал подкапываться под Николая Николаевича (бывшего тогда верховным главнокомандующим). Он день и ночь жужжал в уши царю и царице, что великий князь ведет в армии пропаганду против них, что он хочет сам занять престол. И когда Александра поверила Распути-

ну, как всегда и во всем верила, она уже со своей стороны стала обрабатывать царя.

Все дело было в том, чтобы убрать Николая Николаевича из армии.

И Александра пишет:

«Наш Друг во время разглядел их карты (т.-е. Николая Николаевича и великих князей) и пришел, чтобы спасти тебя. Умоляю тебя выгнать Николашу и самому взять командование»...

Сказано-сделано. Великий князь получил отставку, и Николай Кровавый сам становится верховным главнокомандующим.

Дальше была очередь за министром внутренних дел Щербатовым.

Распутинская компания ненавидела его за то, что он позволял газетам писать правду о «божьем человеке». Отставка Щербатова решена.

Распутин остановил свой выбор на А. Н. Хвостове.

И вот Щербатов летит вон, а на его место назначается распутинский подхалим Хвостов. В помощники ему дается прожженный жандарм С. П. Белецкий.

Эти ребята устроились славно. И, получив назначение, они решили еще скрепить дружбу с Распутиным. А чтобы он был еще подобрее и шел по их указке, они платили ему по 1.500 рублей в неделю.

Эти взятки Белецкий так объясняет в своих записках:

«Если кто-нибудь имел просьбу по нашему министерству, он шел с челобитной к Распутину, а тот брал с него деньги за «старание». Потом шел к нам:—А сделай-ка, милóй, для этого человечка то-то и то-то.—Так вот, чтобы не говорили, что Григорий Ефимович берет взятки, мы решили платить ему сами вместо просителей»...

Но Хвостов все-таки не долго удержался на своем месте. Случилось так, что он поссорился с Распутиным. И вот, желая подложить «старцу» свинью, он послал некоего Ржевского к монаху Илиодору—врагу Распутина. У того были в руках документы, очень неприятные для Григория. Но Ржевскому не удалось передать этих бумаг в руки Хвостова. Его предала собственная жена. Она донесла обо всем в охранку, и ее муженька сцапали по дороге на станции Белоостров.

Все открылось, и Хвостова уволили.

Распутин также свел счеты с обер-прокурором синода Самариным.

И это дело очень хорошо показывает, чем занималась дворцовая компания в то время, как рабочие и крестьяне, насильно втянутые в ненужную им бойню, проливали на фронте свою кровь.

Распутину захотелось открыть у себя на родине собственного святого (бывш. епископа тобольского Ионна Максимовича). И ему хотелось, чтобы прославление новому святому пропел его прихлебатель—епископ Варнава, которого он звал

«Сусликом». Но утвердить нового святого мог только синод, а синод был против Распутина. И вот Григорий решил утереть нос «святейшему» синоду—обойти его и получить нужное разрешение прямо от Николая.

Николай, конечно, подчинился воле Распутина.

И вот «Суслик» пропел прославление новому святителю Ионну. Синод справедливо возмутился: «Как! Без нас уже стали утверждать святых?! Кто такой Варнава?—Распутинский? Подавай его сюда к ответу! Как он смеет самовольничать, законы церкви нарушать?»

И Варнава—Суслик тоже—явился.

Но велико было удивление членов синода, когда этот самый «Суслик» нахально отказался от объяснений. Вместо этого он помахал у них перед носом телеграммой Николая, повернулся к ним спиной и павой выплыл за дверь. Самарин, конечно, поднял шум. И тогда он встретил на своем пути разгневанную царицу.

Вот что она пишет Николаю:

«...Они (т.-е. синод) хотят выгнать Варнаву—Суслика и вместо него назначить Гермогена. Слыхал ты что-нибудь о такой наглости? Мы должны выгнать Самарина и чем скорее, тем лучше. Он не успокоится до тех пор, пока меня и Нашего Друга не впутает в беду»...

В другом письме она злобствует:

«...Варнава сказал, что ты главный покрови-

тель церкви, а Самарин дерзко ответил, что ты—раб. Какое нахальство! Душка, ты должен быть тверд и приказать синоду, чтобы все было сделано как ты хочешь»...

То-есть нужно было бы сказать: «Как Распутин хочет».

Самарину вскоре, как и другим «смутьянам», дали по шапке.

Вот чем занимались во дворце, в то время, как по милости царской власти страна истекла кровью.

В деревнях стоял плач по убитым, искалеченным и пропавшим без вести кормильцам. Сотни тысяч сирот и вдов остались обездоленными; сотни тысяч крестов и могил выросли там—на полях, щедро политых народной кровью.

А, те кто втянул народ в кровавую бойню,—те благоденствовали.

Какое им дело, что каждый час, каждую минуту там,—далеко—гибнут крестьяне и рабочие! Они занимались другими делами. Им важно укрепить свою власть. И они гнали и гнали солдат на верную гибель против немца...

А вот как доходит дело до распутинского сынка, которого забирают на фронт,—здесь:—шалишь! Здесь дело другое! И к Николаю летит телеграмма:

«...Что ты можешь для него сделать? Его единственный сын не должен быть забран»...

И еще много таких же телеграмм.

А дела шли все хуже и чуялось глухое вол-

нение в народе. Придворная же свита все интригует, друг другу свинью подкладывает. Все быстрее идет министерская чехарда.

Министерская чехарда.

Министры замелькали... Не успеет один сесть в министерское кресло,—пожалуйте! Не угодно ли вам прогуляться? Со следующим то же самое.

И стало так, что ни один министр не знал, удастся ли ему подержаться за власть хоть месяц.

Сперва каждый новый министр въезжал в казенную квартиру и ввозил туда свои вещи. А потом решил:

— Будет! Себе дороже стоит. Нечего тратиться на перевозку из-за каких-нибудь нескольких недель.

Были они люди неспособные и мало честные. Им важно было только одно: посидеть на высоком месте да поправить свои денежные дела. И среди прочих потирал руки «святой старец». Велик ли труд сказать Николаю:

— Ты назначь, милóй, этого человечка туда-то и туда-то. Я его знаю. Хороший он человечек, нужный человечек, милóй!

И эти «человечки» вносили еще больше разрухи и точили, как черви, истекающее кровью тело страны.

Народ, стиснув зубы, с ненавистью смотрел,

как издевается над ним вся эта свора, вскормленная царской властью. Глухо волновался народ, назревала в нем обида и решимость.

А пока что единственной силой, которая могла бы открыто подымать свой голос против этих безобразий—была Государственная Дума.

Государственная Дума.

Но Государственная Дума не была выразительницей народной воли. Хотя она и называла себя народным представительством, но это, конечно, было неверно. В ней было слишком мало представителей крестьян и рабочих; главную массу ее составляли выборные от буржуазии. Здесь были фабриканты, заводчики, попы, помещики, юристы,—одним словом, люди чуждые для крестьянина и рабочего. Государственная Дума не выражала желаний трудового народа.

Кроме того она была воинственной и «верноподанной». В своем большинстве она стояла за войну. Она была недовольна бездарным и нечестным царским правительством, которое вело войну к проигрышу, но она боялась не меньше и народной революции. Думское большинство легко бы помирилось с царем, только бы он призвал в министры людей из этих же думцев и дал бы им наладить фронт и предотвратить революцию *).

*) Только небольшая горсть большевиков—депутатов от рабочих поднимала в Думе свой голос против войны. Только эти депутаты

Но царская клика совсем не расположена была делиться властью с кем бы то ни было.

Александра злобствует в своих письмах:

«Этот отвратительный Родзянко», «Эти мерзавцы» (члены Думы)...

...«Надо было бы отделаться от Гучкова. Только как—вот в чем вопрос? Нельзя ли было бы придраться к чему-нибудь, чтоб его запереть?»..

А в другом письме от 3-го сентября она пишет:

...«Ах, неужели нельзя было бы повесить Гучкова?!.»

Ненавидели Государственную Думу за то, что она осмеливалась вмешиваться не в свое дело, и тем показывала бездарность, близорукость и жульничества царских работников.

А вмешивалась она, действительно, всюду—и во внутренние дела и в дела фронта, которые шли все хуже и хуже. Конечно, она делала это из-за «любви к царю»,—во имя укрепления самодержавия и во имя «войны до победного конца». Но слепая власть, как мы уже говорили раньше—пресекала все «благонамеренные» попытки Думы. Чтобы показать это примером, интересно передать рассказ Родзянки о том, как он еще в ноябре 1914 года «обувал армию».

открыто проповедывали революцию. За то они и поплатились жестоко: все шесть депутатов-большевиков были арестованы и пошли в Сибирь на каторгу. Государственная Дума выразила свое верноподданничество и ничем за них не вступилась. Она хотела лишь быть допущенной к управлению делами страны в интересах буржуазии, а вовсе не в интересах крестьян и рабочих.

Армия была босая. В Галиции солдаты обматывали себе ноги палатками вместо сапог. И великий князь Николай Николаевич обратился к председателю Думы Родзянке: «У меня нет снарядов, нет винтовок, нет сапог. Поезжайте в Питер, похлопочите, обуйте мне армию. Нужно 3 миллиона пар сапог».

— Дайте мне письменный приказ, — ответил Родзянко.

Приказ был написан, и Родзянко явился с ним к министру внутренних дел Маклакову. Здесь произошел такой разговор (из записок Родзянки). *).

— Вот, Николай Алексеевич, мне дан приказ великим князем Николаем Николаевичем,—Вы знаете, что армия—босая.

— Знаю. Но я-то тут при чем?

— А вот при чем. Вы знаете, что военные власти не могут обуть армию?

— Знаю,—разумеется не могут. Даже генерал Шуваев **), сказал это. Так вот, вы должны, наконец, позволить, чтобы собрался земский съезд. Съезд сумеет обуть армию.

Маклаков ухмыльнулся:—Знаем мы ваши съезды. Вы просто хотите под видом сапог революцию делать.

Родзянко так и взвился:—Вы что с ума сошли?!

—А что?

---

*) Конечно, Родзянко здорово привирает в своих записках, изображая себя таким смелым и честным. Был он тоже большой лизоблюд и царедворец.

**) Главный интендант.

— Перед вами кто сидит?—Председатель Государственной Думы, который по приказу верховного главнокомандующего должен помочь армии! Вы на свой аршин не мерьте! Когда собирается съезд,—тут не до революции! Наши сыновья и братья гибнут! Как вы смеете мне это говорить! Я жаловаться буду.

Маклаков струсил и полез на попятный. Он боялся, что Родзянко подымет об этом крик в Думе. И стал просить, чтобы «это осталось между ними». Он сказал, что доложит насчет сапог и земского съезда в совете министров.

Тогда Родзянко, по его словам, решил забежать Маклакову дорогу и отправился к первому министру Горемыкину.

— Так и так—армия без сапог.

— Мой дорогой,—отвечает ему тот по-французски:—это не мое дело...

Чем же все-таки это кончилось?

Маклаков в пику Родзянко провалил дело. Созвать съезд не разрешили. Сапог не дали.

Но этот случай все-таки не пропал даром. В Государственной Думе подняли крик:—Как! Предают армию?.. Воинственные буржуазные газеты подхватили этот крик и взбудоражили все болото фабрикантов, заводчиков и подрядчиков, гревших руки на военной промышленности. И вот, в январе 1915 г.—слава тебе тетереву!—милостиво разрешили, чтобы собрались выборные от городов и земств.

Собрались. Устроили «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам» и «Всероссийский Городской Союз»—(для тех же целей). Устроили лазареты. Стали добывать обмундирование, обувь.

И в этом «союзы» встретили сопротивление со стороны правительства. Да и иначе и быть не могло:—ведь, с одной стороны, союзы, работая на армию, приобретали большую известность среди солдат, а с другой—своими успешными действиями ясно показывали всю бездарность и гнилость власти, которая сама ничего не умела наладить.

А тем временем немцы начали наступать.

Русская армия, все еще разутая и раздетая, покатилась назад и со страшными потерями была отброшена за реку Пилицу. Здесь только царь опомнился. Он вспомнил, что все случившееся уже предсказывала ему Государственная Дума, и вызвал к себе в ставку Родзянко.

— Что же делать?—спросил царь.

— Гоните прочь ваших советчиков,—ответил будто бы Родзянко. Они погубят всех нас, погубят родину.

Тогда Родзянке удалось настоять, чтобы самые вредные министры—Маклаков, Щегловитов и Саблер были прогнаны. Вместе с тем Родзянко получил у Николая разрешение устроить «особое совещание по обороне» и «военно-промыш-

ленные комитеты». Эти учреждения заработали полным ходом. Конечно, это было сделано не для крестьян и рабочих. Трудовой народ хотел кончать ненужную бойню, а «совещание» и «комитет» старались, чтобы война продолжалась до «победоносного конца».

И действительно, с оружием и снарядами, да и с обмундированием стало на фронте полегче. За то и хорошие же денежки заработали фабриканты да подрядчики!

Но дворцовым проходимцам было невыгодно, что влияние Думы растет.

За эти месяцы Распутинская шайка успела уже опять повернуть по своему (как раз в это время и началась министерская чехарда).

Власть не хотела сдавать позиции. Она мечтала сохранить в России старые порядки—бесконтрольного самовластного хозяйничанья. Не с руки ей было приближение к власти выборных, хотя бы и от буржуазии. И против Государственной Думы повела она борьбу.

Только-только соберутся члены Думы, чтобы обсудить российские дела, наладить войну, оградить царя от советчиков-проходимцев—хлоп! Царский же указ: «Распустить Думу на такой-то срок».

Это Александра с Распутиным и всей компанией мстила за себя.

Думе не давали правильно работать. С начала

войны ее занятия прерывали 6 раз. Один раз, когда ее прихлопнули в самый разгар работы, думцы решили устроить съезд в Москве. Не тут-то было. Благоверная Александра Федоровна строчит своему муженьку письмо:

«...Теперь думцы хотят собраться в Москве, чтобы обо всем переговорить, когда здесь их дело прекратилось. Это может только привести к большим смутам. Душка моя, запрети съезд в Москве. Это невозможно, этот будет еще хуже, чем Дума, и будут бесконечные скандалы»...

Нужно же было быть таким дураком, как Николай, чтобы не понимать, что буржуйская Дума—верная ему опора, что надо поделиться с ней властью, дабы поставить единую силу против надвигавшейся из народных глубин революции.

Родзянко умоляет Николая послушаться Думы:—Неужели, Ваше Величество, вы хотите во время войны потрясти страну революцией?

А царь упрямится:—Нет, власти ни гроша не отдам.

И Александра Федоровна кликушествует:—Ты—самодержец! Не уступай!

Да, помещичья Дума сама боялась революции, как огня. Она хотела спасти и укрепить царскую власть, но Николай, упрямясь сохранить всю власть за царизмом, собственными руками ускорял свою гибель. И вот, пришла первая гроза...

Убийство Распутина.

Уже давно среди близких ко дворцу людей, те, которые были дальновиднее, думали и гадали:—Как бы избавиться от Гришки Распутина? Еще до войны ярый приспешник царской власти, Думбадзе, ялтинский генерал-губернатор, прислал Маклакову телеграмму:—«Разрешите избавиться от Распутина при переезде его из Севастополя в Ялту». Но, ясное дело, Маклаков побоялся «разрешить».

А за время войны озлобление против Распутина усилилось во много раз. Более умные царедворцы понимали, что Распутин—это опасный нарыв на теле царской власти (правда, они не знали, что самое «тело»—тоже смердящий труп). И, думая, что вся беда в «святом старце», они стали искать способ отделаться от него. Люди, которые решились на это и сделали то, что хотели,—были: князь Феликс Юсупов, депутат Думы В. М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович.

Они обошли сыщиков, которые охраняли Распутина и приманили его «на бабу» во дворец Юсупова.

Во время чаепития, Юсупов выстрелил в него из револьвера. Распутин, повидимому, был убит.

Но через несколько минут, когда все вышли в другую комнату, он очнулся и выбежал на двор. Пуришкевич, услышавший скрип двери, тоже выбежал наружу и увидел, как «убитый старец» бе-

жит к воротам на улицу, крича: «Феликс, Феликс, все скажу царице»!

Две пули Пуришкевича—в спину и в голову—свалили его. Обезумевший Юсупов, все еще не веря, что Распутин мертв, несколькими ударами проломил ему тяжелой гирей голову. После этого труп отвезли на автомобиле к реке и спустили с моста в полынью.

Так кончились красные денечки Гришки Распутина.

Нарыв был срезан. Но тогда стало совсем ясно, что царская власть была сама сплошным неизлечимым гнойником.

Александра стала мстить, а Николай еще круче, еще глупей повел дело по ее указке.

Сумасшедший министр.

Последний министр внутренних дел—Протопопов,—был душевно-больной.

Дальше ехать, кажется, некуда. Сумасшедший на министерском месте—это уж совсем неслыханная вещь!

Если до сих пор все шло вкривь и вкось,—теперь пошло еще хуже. На фронте было плохо, в тылу еще хуже. Все шло одно к одному. Продовольствие почти не подвозилось, железные дороги расстроились. А тут еще «царские слуги верные» работали.

Вот интересный пример: у дворцового комен-

данта Воейкова в имении был источник минеральной воды. Вода называлась «Кувака». И вот, когда вагоны и паровозы истрепались и были наперечет,—хлеб и военные припасы ждали очереди, а «Кувака» целыми маршрутами катила на продажу. Так обстояли дела.

От населения правду скрывали. Даже буржуазные газеты выходили с белыми вымаранными местами. Тюрьмы стали наполняться. Арестовали, между прочим, рабочую группу, которая была в Особом Совещании. (Правда это была небольшая потеря для рабочего класса. Эта «Рабочая Группа», состоявшая из меньшевиков, работала на пользу буржуазии. Она вместе с фабрикантами и заводчиками старалась поднять производство снарядов и военного снаряжения—другими словами—работала на «войну до победного конца», предавая своих братьев в окопах).

В воздухе чувствовались большие события.

Родзянко говорил Николаю:—Наступают грозные дни. Пока еще не поздно, государь,—прислушайтесь к голосу народа.

Но Николай только сказал: «Ну, бог даст».

А тем временем население волновалось. Сумасшедший министр, вместо того, чтобы попробовать успокоить его,—вопил:

Я их всех раскрошу. Я всю столицу кровью залью!

И по его приказу городовым и жандармам было выдано 600 пулеметов. Стрелять из них они учи-

лись тут же, на глазах всего города—во дворах пожарных команд. Казалось, словно Распутин перед смертью завещал Протопопову продолжать его дело. И Протопопов не за страх, а за совесть гнул его линию.

А Николай Кровавый по прежнему был глух и слеп. Даже когда Родзянко послал ему телеграмму, что в городе начались беспорядки, что начинается революция, Николай только усмехнулся и сказал своему царедворцу Фредериксу:

—Опять этот толстяк Родзянко написал мне разный вздор, на который я даже не буду отвечать.

И 26-го февраля 1917 года он сделал последнюю глупость:

Его указом была разогнана Государственная Дума.

Так встретила царская власть свою—вплотную надвинувшуюся гибель.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Что думал и делал народ и армия.

Как же произошла, как подготовилась революция? Как произошла спайка всех слоев трудового народа, которая обеспечивала революции успех?

Крестьяне, рабочие и солдаты давно уже на своем хребту почуяли, куда завела их царская власть. Они поняли две главные вещи раз навсегда: во-первых,—что пока на шее сидит царь со всей своей сворой,—трудовым людям не житье на свете; во-вторых,—они поняли, что «война до победного конца» нужна фабрикантам, капиталистам и спекулянтам, которые греют руки на военных заказах, на чужом горе. Но сила была еще в ненавистных руках,—казалось, конца краю нет страданьям народа. Помощи не было. «Дума?».

Думу трудовой народ презирал:

— Ишь, говорили сознательные солдаты и рабочие:—благодетели нашлись! О народе пекутся!

Царь нас голых подыхать послал, а эти тоже хотят погибели нашей, только чтоб охотнее шли мы на смерть о том вся их забота. Да о том, чтоб на нашей смерти деньгу зашибать.

Армия не сразу дошла до этого. Сначала задурили солдатам голову те, кому нужна была война:—Так и так мол—немец хочет всю Россию забрать и вас вовсе обездолить.»

А потом пригляделись солдатики: такой же немец человек, как и мы, такой же подневольный. Находили на немецких трупах карточки: либо его родная деревня там, либо жена, детишки. Удивлялись ребята, жалели:

— Эх, как я его штыком—сердешного! А вот поди ж ты: такой же мужик, что и мы. Хозяйство поди дома-то осталось, молодуха. Тоже небось не своей охотой пришел сюда! И прибавляли, вздыхая:

— Эх, война-война, кто тебя выдумал, проклятую!

Генералу Алексееву приходилось докладывать Николаю, что «армия не та уже стала». Еще бы! Им нужно было, чтоб солдат ни о чем не думал и не рассуждал. Офицер привык «бить по морде» сознательного солдата: «Не твое дело, сволочь, думать! Твое дело исполнять приказания начальства».

И то, что армия стала шевелить мозгами, пугало власть. Правящей своре казалось, что все должно проходить ей даром: и ее предательства на

фронте, из-за которых гибли лишние сотни тысяч людей; и ее «заботы» об армии; и все страдания, на которые она обрекла мирных людей, впихнув их насильно в солдатские шинели. Нет, армия не прощала и не забывала. И оглядывалась назад—на тыл, прислушиваясь, что там делается? Что думают и делают те, которые остались в родных деревнях, что думают братья-рабочие, оставшиеся в городах—на фабриках и заводах?

А в тылу понемногу начинались волнения:

В течение 1916 года были большие забастовки в Питере, Москве, Харькове, Екатеринбурге и в Баку.

Летом того же года стало совсем плохо с продовольствием. Да иначе и быть не могло. Потому что власть, которая ничего путного не умела сделать, не желала отдать продовольственное дело в руки тех, кто мог бы помочь:—Как же так, другие накормят народ, тогда будут говорить, что вот мол, правительство не сумело, а без него обошлись. И царские министры отмочили штуку: велели установить твердые цены на хлеб. Но они не сами установили их, а отдали все дело в руки помещиков и торговцев. Ясное дело, те подняли цену втрое или попросту припрятали хлеб. И вот, у лавок и магазинов стали расти очереди—«хвосты», как их называли. В этих хвостах открыто ругали правительство. Рабочие голодали и волновались.

Крики «долой войну», «долой самодержавие» все

чаще и чаще раздавались среди них. А власть, вместо того, чтобы постараться облегчить им жизнь, стала делать обыски и аресты.

Так проходило лето и осень 1916 года.

17-го октября в Питере забастовало много заводов. Были схватки с полицией. В одной из таких схваток (около завода «Новый Леснер») полиции пришлось туго.—Рядом находились казармы 181-го пехотного полка. На дворе казарм в это время производилось обучение молодых солдат. И когда солдаты увидели, что рабочие схватились с полицией, их душа не вытерпела:

— Ребята, айда! Городовики рабочих бьют!

Повалили забор, выбежали на улицу и, соединившись с рабочими, так отделали городовых, что те еле ноги унесли.

Во всех почти городах России начались беспорядки.

И царское правительство стало понимать, что скоро наступят страшные для него дни.

В помощи армии,—голодной и озлобленной оно не было уверено. Оно знало, что к этому времени на фронте насчитывалось полтора миллиона дезертиров; оно знало, что воинские эшелоны давно уже с полпути от фронта стали возвращаться назад: солдаты по дороге разбегались.

Но все-таки приспешники самодержавия еще надеялись победить.

У них была в руках полиция и кой-какие воинские части питерского гарнизона, на которых они надеялись.

А кроме того, думские кадеты помогали правительству всеми силами, стараясь «предотвратить беспорядки».

Они уговаривали рабочих не бастовать, митинговали на заводах, выпускали воззвания; пели в уши рабочим о «любви к родине», о «долге», о том, что «рабочие предают своих братьев на фронте». Пустили даже в ход уверение, что это «немецкие шпионы обманывают рабочих и бунтуют их».

А тем временем питерским городовым было выдано 600 пулеметов. Ясное дело, это только подлило масла в огонь. Еще тревожнее стало на фабриках и заводах. Пошли разные слухи.

Приезжали из Москвы:—Что, у вас революция?

— Нет, пока еще. А говорили, что у вас, в Москве уже началось...

14-го февраля опять вспыхнули забастовки. Забастовало 90.000 рабочих. Толпы забастовщиков были разогнаны полицией и жандармами. В следующие дни забастовки стали утихать и царское правительство стало уже облизываться:—Сладили. Ни черта не будет. Не посмеют больше бунтовать!

Но эта радость оказалась преждевременной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Переворот.

23-го февраля в Петрограде снова начались волнения. Толпы народа пошли по улицам с красными знаменами. Забастовало 87.000 рабочих.

И тут приспешники царя учуяли, что дело пахнет скверно. В помощь полиции и жандармам стали вызывать войска.

На следующий день бастовало уже 200.000 рабочих. Полиция и кавалерия заняли мосты через Неву, чтобы не пропускать толпы рабочих в середину города. Но те постояли—постояли и решились:

— Чего на них смотреть, ребята,—вали через реку по льду!

Стрелять по ним сверху—с мостов еще не решились.

И толпы стали заполнять улицы. Постреливали... В 3 часа дня на Знаменской площади стояла полиция—загораживала дорогу. Городовые важно

восседали на лошадях. И словно говорили всем своим видом:

— Ладно, не сумлевайся, царь-батюшка, раскрошим на куски эту сволочь!

Но народ на этот раз оказался в силе. Подходили новые толпы и «фараоны» *) разинули рты: впереди восставших, лихо заломив шапки на бекрень, двигались... казаки—около пятидесяти человек.—Первые революционные казаки. Оторопелые царские палачи бросились на утек.

В этот день полиция всюду отступала.

Но 25-е и 26-е февраля были кровавыми днями. Собравшая все свои силы полиция и часть войск осаждали заводы и рабочие части города. На Невском **) почти все время расстреливали толпу. Было много убитых и раненых.

И, несмотря на все, видно было, что в этот раз так просто не «усмиришь». Да и войска вели себя не так как раньше. И цепи, стоявшие на улицах, и патрули, ходившие по городу, делали все это как-то лениво, неохотно. С населением частенько вели разговоры:

— Да нешто мы против народа?! Служба! Вот только понажали бы на нас малость, мигом винтовки отдадим.

Да, винтовки стали им уже в тягость. И немногие из них могли повернуть дуло на своих братьев-рабочих. Только некоторые части по слабо-

*) Так ругали в Питере и Москве городовых.

**) Невский проспект,—главная улица в Петрограде.

сти и по трусости слушались своих командиров. В толпе становилось все больше и больше безоружных «серых шинелей».

Командовавший войсками Петроградского округа генерал Хабалов совсем растерялся. А тут еще свалилась ему на голову телеграмма из Ставки от Николая:

— Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки.

Да, легко приказать, вот поди-ка попробуй, прекрати! Беспорядки разростались. Народ, поджегший Окружный Суд, не давал пожарным частям тушить огонь; отряды жандармов встречались револьверными выстрелами, один раз даже их угостили ручной гранатой. А на Екатерининском канале городовым пришлось совсем туго.

Вот как было дело:

Отряд конной полиции должен был разогнать толпу. Для большего «удобства» городовые открыли по ней огонь через канал, не переходя на ту сторону. А там в это время зачем-то проходила 4-я рота Павловского полка. Солдаты, увидев как падают вокруг них под пулями безоружные люди,—остервенели:

— Ах, сукины дети! Вот они как?! Шпарь их ребята! Бей их—сволочей!

И рота стала расстреливать городовых через канал.

В других местах в жандармов из толпы бросали ручные гранаты, камни, пустые бутылки.

Был избит жандармский генерал Шалфеев, убит пристав; был ранен полицеймейстер и ранено несколько городовых. А войска большей частью стояли так, словно их пригнали не усмирять, а любоваться, как восставший народ схватывается с полицией.

В некоторых местах они открыто показывали свою ненависть к жандармам.

К одной из улиц, которую охраняли жандармы и казаки, подходила огромная толпа рабочих. Гремели революционные песни; громом перекатывались крики: «Долой царя! Долой войну!... Когда толпа подошла ближе, жандармский полковник

скомандовал своим: «Рота...» Но скомандовать «пли» ему не удалось. Из казацких рядов вырвался один лихой парень, и когда царские холопы готовились уже пролить народную кровь, он подскочил к жандармскому полковнику; сверкнула шашка и жандарм без руки свалился на землю.

Восстание разросталось. Бастовало уже 240.000 рабочих. А царское правительство и не думало попытаться успокоить народ. Буржуйская Государственная Дума все еще трепыхалась и умоляла царя, чтобы он посадил хороших министров (думали—поможет). Но царь со своими холопами даже и тогда не соглашался уступить. А Протопопов все кричал свое:—Нужно стереть бунтовщиков с лица земли! Нужно кровью залить Питер! Дума, которая так пеклась о царской власти, указом Николая была прихлопнута (26 февраля).

Но разойтись она отказалась,—она боялась как бы революция не пошла слишком далеко, и выбрала из себя «Временный Исполнительный Комитет». Туда вошли: Родзянко, Милюков, Шульгин, Коновалов и другие. Комитет взял власть в свои руки. Это ему удалось без борьбы. Конечно, выбранный раньше рабочими «Совет депутатов» был народу ближе, чем думские буржуи, которые хотели «успокоить волнения». Но Совет не стал действовать против Комитета Думы. Он в своем большинстве не решался взять власть

Большевиков там было мало. А меньшевики и эсеры хотели поддержать буржуазию.

Вернемся теперь к самой борьбе за революцию.

Царские приспешники там, где у них еще хватали руки, занялись арестами. Хотели было арестовать всю 4-ю роту павловцев, но руки оказались коротки. Поди, попробуй, взять их,—боевых солдат!

В это время «государевы слуги верные»—министры—только и делали, что совещались. Да что им еще оставалось делать?

Сам «главный усмиритель»—генерал Хабалов—раскис. В ночь на 27-е он уже стал гнать телеграммы в Ставку:

— «Беспорядки продолжаются, приказаний Вашего Величества выполнить не могу.»

Невесело было царским холопам в эту ночь.

Около 7 часов утра Хабалову позвонил по телефону командир запасного батальона Волынского полка:

— Ваше превосходительство, учебная команда отказались выйти на улицы для усмирения. Командир ее не то убит, не то застрелился.

— Отказывается выйти? Обезоружить и вернуть в казармы подлецов!

Уже с утра стало ясно, что войска готовы стать на сторону революции. По улицам ходили патрули и отряды солдат. Офицеров при них не было. Встречались с рабочими и те окликали их:

— Эй, товарищи, с нами? Валите к нам, идем свободу добывать!

И солдаты братались с рабочими по всему городу, охотно отдавали восставшим свои винтовки.

А в это время в казармах Волынского и Литовского полков шел митинг.

— Товарищи, — говорили ораторы-солдаты: — неужели мы будем проливать кровь наших братьев? Неужели будем слушать сволочей начальников? Товарищи! Там, без нас, наши братья завоевывают свободу! А мы что ж—так и будем сложа руки сидеть? На улицу! Все! Все на улицу! Да здравствует революция! Долой царя!

И первые полки революции хлынули к народу. Соединившись с рабочими, они разгромили казармы жандармского дивизиона и покатились дальше.

Хабалову удалось собрать «силы»—6 рот пехоты с 15 пулеметами и $1^1/_2$ эскадрона конницы—всего около 1.500 человек. И эта «армия» под начальством полковника Кутепова пошла «усмирять».

И вот, время проходит,—Хабалова начинает трясти лихорадка:

— Что за чорт,—ушли давно уже, а ничего не известно.

Наконец пришло известие:—Кутепов не может продвинуться дальше и просит подкрепление. Но запасных войск у Хабалова не осталось. А тут еще звонят по телефону от министров, с те-

лефонной станции, из Литовского замка, из Мариинского дворца: все требуют прислать войска для охраны от революционеров. А где их взять—эти войска? Из пальца не высосешь. Некоторые воинские части и так еле-еле можно было удерживать, чтобы они не перешли на сторону народа. Заставить же их стрелять по толпе—об этом и думать было нечего. У других частей не было патронов. Хабалов просил коменданта Кронштадта, чтобы он прислал, но и тут осекся. Комендант ответил:

— Я и сам не знаю, что делать. У меня неспокойно.

Вблизи Кронштадта уже вспыхивали восстания.

Днем взбунтовался царскосельский гарнизон.

На стороне революции было уже 25.000 солдат питерского гарнизона. Здесь уже министры, даже не спрашивая царя, решили сделать народу поблажку: убрали сумасшедшего Протопопова. И сделали это чинно-благородно—ушел мол по болезни.

Но кому теперь было дело до Протопопова! Революция грохотала и ничто не могло ее остановить.

Царские холопы увидели, что дело из рук вон плохо. Стали телеграфировать в Ставку, чтобы с фронта прислали «надежные войска». А пока что решили «задать страху» бунтовщикам: объявили в городе осадное положение. Но листки

с объявлением так и пропали даром: у градоначальника Балка не было ни клея, ни кистей, чтобы расклеить их. Какой-то усердный городовой расклеил их несколько штук на решетке Александровского сада, но рабочие мигом сорвали.

Хабалов решился отступать. С дворцовой площади его вместе с небольшой кучкой «верных» войск уже теснили. Он укрылся сперва в здании Адмиралтейства, а потом в Зимнем Дворце.

Здесь опять начались споры:—где лучше продержаться, пока царь пришлет с фронта войска?— Пуидумали... «В Петропавловскую крепость». Но дело не вышло. Получились известия, что прэбраться туда нельзя: на Троицкой площади стоят броневики и орудия восставших, а на Троицком мосту баррикады.

Между тем в Ставке 17-го февраля забили тревогу. До тех пор Николай на все грозные вести только отмахивался рукой:—Ладно, мол—беспорядки! Не в первый раз. Перестреляем и перевешаем сколько полагается, и все пойдет гладко. Он никак не хотел поверить, что это, революция, самая настоящая революция. Но последние хабаловские телеграммы и телеграммы Александры Федоровны взбудоражили Ставку.

Николай Кровавый почувствовал, наконец, что трон из-под него уползает—и затормошился. Было решено в эту же ночь ехать в Царское Село. Генерала Иванова Николай назначил диктатором—то-есть отдал в его руки всю власть по усмире-

нию восстания. Иванов мог делать все что ему угодно, никого не спрашивая, никому не давая отчета. Он сейчас же отдал в Царское Село приказ, чтобы там приготовили помещение для 13 батальонов пехоты, 16-ти эскадронов конницы и 4-х батарей.

А тем временем в 5 часов утра царский поезд вышел на Смоленск—Вязьму—Ржев—Лихославль, направляясь в Царское Село.

В 11 часов утра 23-го февраля Иванов отправил к Питеру первые части войск: эшелон Георгиевского полка и полуроту Железнодорожного. Остальные войска были отправлены с северного и с западного фронта.

Вот когда настала грозная опасность для революции! Пройдут или не пройдут эти войска?

Сам Иванов, выехавший немного позже, догнал первый эшелон в Орше и прицепил к нему свой вагон...

А в это время генерал Хабалов и помощник его Занкевич с кучкой верных им солдат и офицеров «окапывались» в Питере в здании Адмиралтейства. На углах поставили пулеметы, артиллерию—на дворе, во втором этаже расставили пехоту.Снарядов у них было мало, патронов не было совсем. Еле-еле достали немного хлеба для солдат. У верной им казачьей сотни лошади были непоены и некормлены. В это время генерал Иванов по прямому проводу запросил Хабалова, что у него слышно. И вот что тот ответил:—Удержи-

ваю здание Адмиралтейства. У меня 4 гвардейских роты, 5 эскадронов конницы и 2 батареи, прочие войска перешли на сторону революционеров. Все вокзалы в их власти и строго ими охраняются. Весь город тоже в их власти. Телефон не действует. Министры арестованы. Продовольствия у меня нет. Вся артиллерия в руках революционеров.

А 28-го пришел конец. Хабалову заявили:—Либо очищай здание, либо с Петропавловской крепости откроем артиллерийский огонь.

Против рожна не попрешь. И Хабалов сдался. Хабаловцев разоружили, а сам он был арестован революционными солдатами.

В этот день по городу взад и вперед мчались грузовые автомобили. В них—плечо к плечу стояли солдаты с ружьями на перевес, с красными бантами на груди. И народ встречал их громовым «ура» и криками: «Да здравствует революционная армия!»

В этот же день были выпущены из-под разбитых тюремных замков узники царской власти.

И в этот же день последний из русских царей—Николай Кровавый катил в своем роскошном поезде по направлению к Царскому Селу. Но был еще очень далеко от цели...

На станции «Малая Вишера» стало известно, что в Любани стоят революционные войска: рота с орудиями и пулеметами. Царский поезд повернул назад. Было решено ехать в Псков.

— Там генерал Рузский. Он человек умный и спокойный. Опять-таки в Пскове должно быть все известно, что слышно в Петрограде.

А пока царь катит в Псков, посмотрим что делает его верный холоп генерал Иванов со своими войсками.

Он, проснувшись 1 марта в 6 часов утра, очень удивился: его поезд стоял на станции «Дно», т.-е. вместо 500 верст прошел только 200. Дело оказалось скверно. Железнодорожники по приказу революционного Питера отказывались пропускать его самого и войска его. А пешком итти не очень-то близко. Иванов со своим Георгиевским полком все-таки к вечеру добрался до Царского Села. И здесь оказалось, что дело его никак не выгорит. Во-первых, революционных войск было слишком много; во-вторых, они были в полном боевом порядке. Кроме того, его георгиевцы вовсе не хотели лезть на рожон. А скоро к Иванову прибежал начальник станции:

— К вокзалу идет дивизион тяжелой артиллерии и батальон 1 гвардейского полка!

Иванов «счел за благо» повернуть назад. И поезд с георгиевцами, не солоно хлебавши, покатил обратно на Вишеру.

В Вишере Иванов не успокоился. Он решил пробиваться к Питеру. А для этого нужно было разузнать, что слышно с его войсками. Он знал, что они торчат где-то на разных станциях и не могуть продвигаться вперед. И сперва Иванов ре-

шил повидать Тарутинский полк, который застрял на станции «Александровская» (Варшавской ж. д.). Сказано-сделано. По соединительной жел.-дор. ветке он покатил туда. Доехал до станции «Сусанино». Вдруг—стоп! Ивановский поезд уперся в тупик. Генерал на дыбы:—Как! Что! Да как вы смеете! Но генеральская ругань не помогла. Ему принесли две телеграммы из Питера. Из них Иванов понял вот что:—либо уезжай в Вишеру и сиди там тихо-смирно, либо раскрошим тебя тяжелой артиллерией. Царскому прислужнику пришлось опять повернуть оглобли. Так и застряли они—кто где—генерал-усмиритель и его полки. Страшная для революции опасность миновала.

А теперь вернемся в Псков, куда уже приехал последний «самодержец всея Руси».

Когда царский поезд остановился на станции, в вагон вошел генерал Рузский.

— Ваше Величество, нужно итти на все уступки.

И тогда Николай решил стать «благодетелем» народа:—вместо сволочей-министров дать что-нибудь чуть-чуть получше. Он послал Родзянке телеграмму, чтобы тот стал первым министром, а остальных выбрал кого захочет. Но и тут Николай норовил «ущемить» 3 места: военного министра, морского и иностранных дел—эти места он захотел оставить в своем распоряжении. Нужно же было своим ребятам тепленькие местечки приберечь.

Родзянко, конечно, был бы не прочь стать такой важной шишкой, но пришлось, скрепя сердце, отказаться. Потому что не революция подделывалась под него и под его товарищей-фабрикантов, а они сами виляли туда и сюда, чтобы удержаться на ее бурных волнах.

И царь получил ответ, что теперь таких уступок уже «мало».

В поезде с минуты на минуту ждали думцев Гучкова и Шульгина, которые в 1 час дня выехали из Питера. Волновались:—С чем-то они приедут? А тем временем Николай стал одну за другой получать телеграммы: от великого князя Николая Николаевича, от генералов Алексеева, Брусилова, Эверта, Сахарова, Непенина. И во всех телеграммах было одно и тоже:—Нужно отречься от престола и передать его наследнику. Правителем России по малолетству Алексея должен быть великий князь Михаил Александрович. Генерал Рузский сказал царю то же самое. И уныние охватило весь царский поезд. Докатилось, наконец, сюда море гнева народного и словно далекий гром прогремел оттуда—из Питера и со всей России:

— Посидели на нашей шее 300 лет! Попили нашей крови народной, поизмывались! Будет!

Скоро приехали Гучков и Шульгин, посланные Временным Исполнительным Комитетом. Они тоже требовали отречения Николая в пользу Михаила Александровича. (Видно не могли они со

своими друзьями-фабрикантами без царя прожить!) Николай Кровавый понял, что его карта бита и не стал спорить. Отречение было подписано.

— Значит, Ваше Императорское Величество, Михаил Александрович,—с новосельем Вас?! На чаек с Вашей милости!? Даром что ли старались мы—Родзянки—Милюковы—Гучковы?

Нет, не удалось им на чаек получить. Правда напирала со всех сторон. Не хочет народ царя и все тут... Как только пришла телеграмма об отречении Николая,—Михаил Александрович явился к Родзянке:—«Можете вы мне обещать, что если я займу престол, то моя жизнь будет в безопасности?» Но Родзянко мог только поскрести затылок. Он понюхал кругом и понял, что теперь за шкуру нового царя и гроша медного прозакладывать нельзя.

— Мы мол, всей душой, да народ вон какой несговорчивый! Что ты тут будешь делать?

Да, народ не хотел больше царя.—Последний из русских царей Николай Романов 3 марта был заключен в Александровском Царскосельском дворце. Михаил не рискнул своей головой и не стал бороться за трон.

Да как и чем он мог бороться?

Даже имея за собой думских капиталистов и всех буржуев, он не мог итти против народа.

Прогнивший царский престол был разбит в щепы и новая заря занималась над Россией. Это

было нестрашно, что власть пока захватило правительство помещиков и фабрикантов—Временное Правительство. Через смутные дни его правления, через весну и лето 1917 года уже чуялись великие события.

Через жестокие испытания познал трудовой народ—кто его истинные вожди, стал под знамена большевиков, и уже близко на туманном небе засверкала Красная Звезда.

И народ стал расправлять могучие плечи. Он понял, что скоро «будет последний и решительный бой».

И бой грянул. Имя ему—Октябрьская Революция,—та революция, когда крестьяне и рабочие взяли власть в свои руки и вышли на широкую дорогу.

Даль ясна. Нужно бодро смотреть вперед.

Но нужно иногда оглянуться на мрак и смрад, оставшийся позади, чтобы еще крепче и радостней шагать к светлому будущему.

ЧИТАЙТЕ
ИЗДАНИЯ „КРАСНОЙ НОВИ“.

(ВСЕ КНИГИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБЛОЖКАХ С РИСУНКАМИ В ТЕКСТЕ).

ИСТОРИЯ.

55. Старая и новая вера по рассказу еп. Михаила.
136. Стенька Разин.
47. Весенние праздники.
50. Крепостное право и 19 февраля.
49. Прошлое русских крестьян.
74. Как крестьянствовали наши предки.
52. Салтычиха.
67. Последние дни царской власти.
95 Борьба крестьян за свободу.
153. Происхождение религии.
140. Что такое пролетариат и откуда он взялся.
98. На царя.
154. Вольный Новгород.
100. Помазанники божьи.
102. Рабочий в царском дворце (Степан Халтурин).
103. Святые палачи (инквизиция).
97. Святые великомученики Шлиссельбурга.
153. Смутное время.
106. Как возникли города.
71. В мире богатства и наживы.
157. История человеческого жилища.
143. Коммуна.
144. Сибирь и ссылка.
145. Пугачев.
146. Рождество.
147. Иван Грозный.
148. Екатерина.
149. Петр Великий.
156. Хождение в народ.

Г.П.П.
ИЗД—ВО
КРАСНАЯ
НОВЬ

СКЛАД ИЗДАНИЙ: Москва, Главполитпросвет.
КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА: Милютинский пер., 22, угол Сретенского бул., 4-й подъезд, 4-й этаж, кв. 43. Тел. 1-54-87.
ЭКСПЕДИЦИЯ:—Сретенка, 8, и в книжном магазине Г. П. П. „СЕРП и МОЛОТ“, Театральная площадь, 2-й дом Советов (бывш. Метрополь).

1

2